

Неделя

16. Јануаріа. 1844.

Год. III.

ВЫСОКОУЧЕННОМЪ Г. М. СВЕТИЊУ,
СЕРБСКОМЪ ЗАКОНОПИСЦУ.

— — — Ich preise — das Schöne,
Das rings mein Auge in der Heimath schaut;
Ihr wißt, wie viel des Hohen und des Süßen,
Wir in dem Namen Vaterland begrüßen.

Kaltenbrunner.

С'рбскогъ Солона, дичин
Дедова праови, Свети ња
Роду најболѣгъ
Будућности даю!

Крвљу свете што с' т'
Задобыле тѣни, Онъ
Бележе пепчкомъ у
Повою С'рбчету.

Вѣрностъ бритки, на
Полю, Лазаревы мачева,
Заслугу Роду на мерилу
С'рбаля дели.

Неронова доживит' времена
Не бой с' Роде, С'рбскиимъ
Заденъ е млекоимъ.
Сербска е Слава.

Споменникъ му с' вѣкова
Међ' сайнимъ Платонма
До юга дже
Нѣму највѣчитив!

У Футоку 28. Декем. 1843.

Дим. Јоанновичь.

Ч О В Ъ К Ъ И Н Ъ Г О В О П Р А В О .

(одъ П Стинѡа).

Човѣкъ имаде умъ одъ свемогућегъ Творца свѣта себи дарованый, и нѣга мора добро ушотребити; еръ тако се само може хаснити нѣговими плодови, — трудолюбиво дакле мотрити, одъ когъ се може што корыстногъ научити, и кои имаде веће втечение у нѣгову душу. еръ има свакояки людій, — едноме се ово, а другоме оно допада; еданъ тежи за слободомъ, и труди се ову примѣрно одъ други учити, а другій милный погледъ баца на сѣйна народа' поля, да угледа прекрасне трудолюбивы мужева плодове, нѣову дѣятелностъ, нѣово благо, нѣову за Народъ и Отечество любовь; остроумно онъ устремлюе погледъ свой къ сѣдымъ онымъ временама, и красне гласове сабѣира за Отечество ореѣи Витезова', — о како му е сладакъ гласъ Отечество любећегъ Хорациа; како му е милна рѣчь за Отечествомъ уздышућегъ Овидіа, — дѣвисе свеху дѣла Демосѣена, обгерлюе мида израженія Цицеронова, Аристѣда праведна дѣла надгледава, моѣ Елѣйна мотри, Солона Законъ почитуе, и Шпарту као Величество исходногъ сунца надгледава, зашто то? пытамъ я, о умилѣный друже! радишь, зашто свата тако остроумно мотришь? и ето! сладкимъ гласомъ одговара ми: „да приспѣмъ на стазу, коіомъ вѣрни Отечества Почитатели и славни мужевы ходе“ заръ незнашь? да кадъ едно цѣло тѣло поредъ другогъ гнилогъ лежеће починѣ гнитити, да се гнило

мора узети и бацѣти. — Нѣки надалѣ теже, како бы се одъ други научили добротѣ, како бы другимъ ласкали, епрама други човѣчно и людски показались, а и себи почитаніе кодъ други прибавили? — Што се овогъ послѣднѣгъ тыче, тога има у данашнѣмъ свѣту безъ мѣре; свакій хоће предъ другимъ великъ да буде, свакій иште и захтѣва славу; некъ допустимо, ако и то быва, само да еданъ другому ненавиди, и да еданъ подъ другимъ яму не копа, — чuemъ и я у духу оне гнусне изражае, кое нѣки нестыдесе произвести сверху Мужева, коихъ су трудѣ по праведномъ стваріи Разсудителю велики; видимъ неустыдный ѣзыкъ, кои као мачъ другима много бѣда приправля. —

О Арціо! зашто патишъ онай лѣпый изразъ: „Што желишъ, да се теби уради, чини и ты другомъ,“ кадъ се тако имаду ствари у кругу човѣчѣемъ. — Нѣки теже за любовію правде и истине; али молимъ те, покажи ми такове, изброй їй: О заиста нећешъ се дуго бавити при изстраживаню и брояню таковыхъ; но шта више, іошть ћешъ наћи гомилу оныхъ, кои се труде, да правду другихъ уничтоже, и кои истину нећеду да познаду, — плодъ само у своимъ баштама трудесе умножити; кровь туѣихъ хоће да поруше, а свой твердимъ да задерже; дрва у туѣимъ шумама краду, а своя штеде, — о не бы ли дошао горный вѣтаръ, пакъ їй порушіо — Но оныма, кои се баве на мору, кадъ се жестоки таласи колебаю! доцканъ е онда выкати: „ако самъ кривъ, бацѣте ме у море.“ — Найболъ е дакле оно, што човѣкъ учи на корысть обратити, и више путъ ускликнути; што е теби пристойно о свѣту! то е и мени; ништа ми недолази прерано, ништа прекасно, што е теби право. Све ми е плодъ отъ нарави! што ми твоя сѣйна туба навѣшѣуе, у теби е све, изъ тебе произлази све, къ теби се повраћа све! Ако е Римлянѣмъ слободно было ускликнути, о миленьый нашъ Риму! Грцыма, о красно Отечество! Шпартанцыма, о Солоне, Солоне! заръ я уста моя зачепити морамъ, заръ ѣу ѣзыкъ мой утамничити?...

ХЕРОЙСТВО ДѢТИНСКЕ ЛЮБОВИ.

(конецъ.)

Послѣ нѣколико дана поведусе изъ тавнице разбойницы у єдну твердиню, да тамо явне послове сготове. Кадъ су дакле крозь єдну шумицу ѣздили, то нападне на нѣину пратню єдна повелика чета Бандїта, коя се договорила и сложила была, да свое у тавницы затворене другове ослободи. Войнишы сви безъ обыра разбѣгнусе, — и Октавій видеши себе садъ ослобођена таки похити свсеме миломъ родителю, ко коему дошавши кадъ е у нѣгова наручія пао, и кадъ е на ужасно жребіе, кое га е сгодило, помыслио, учини му се, да іошть довольного нѣе за свогъ отца, као сваке чести достойного старину, учиніо.

Самъ Октавій е знао свою безименну несрећу. —

У удалѣномъ отъ свѣта разлученю, гдѣ е Графъ са своіомъ кѣрїю живіо, обадрое су добыли были само тавне и неразборите вѣсти о судбини несрећника, ко коима е случай и благообразного и отѣнногъ Октавіа спридружио быо. И како сердца обадрова, кадъ усмотре долазећегъ имъ Октавіа, неограничномъ радостію усхигесе, коя радость іошть већма нѣжне груди Ермелїне обузме, кадъ е Октавій отца молю и заклинаю, да отма на другу страну рѣке Райне пређу, и тамо животъ свой безбѣдно у будуще проводе.

Онъ превеликой жельи, коя се у души несретного младића произроди, да бытіе свой наилучебзни на свѣту осигура, немогаше противъ стати. Внутренный гласъ непрестанно Октавіи выкаше, да сынъ Графа Монтреала, кои е са знакомъ незаслужне срамоте већъ жигосанъ, више несмѣ живити. Ратъ буде Октавій в'рло добро средство, да свое намѣреніе, кое заръ ни найчистїа нѣжность не бы могла движимимъ учинити, у дѣйство произведе. Тако онъ отведе свога отца и сестру у єдну у Нѣмачкой варошъ; гди вручи Отца Ермелїни, да се о нѣму стара, а онъ стане у службу кодъ єдногъ Легиона Своевольника. Сбогъ нѣгове храбрости, съ коіомъ се у єдној мачоборенїа

множини яко отликовао, узму га нѣгови Предводителѣ и Старешике добро на умѣ. Бадава се онѣ у сваку боренія опасность упштао; кадѣ су само нѣгови содрузи поредѣ нѣга налазеѣсе, мертви на землю падали. При концу другоѣ боя наименованѣ буде онѣ за Полковника, и награжденѣ са пуночестнымѣ херойства знакомѣ. Главный коннакѣ за нѣи опредѣлисе управѣ у вароши, у којој су Графѣ Монтреалѣ и Ермелійна обитавали. Октавиј дошавши у ову варошѣ, чисто отлети на перси свои најлюбезниј на свѣту; спрама кои неизреченну любовь у себи осеѣаше, ал' му инакѣ она животь сасвимѣ не задовољаваше.

Усредѣ множине народа често му е велика туга на сердце падала, коју му е само дружеско и вѣрно обхожденіе са миломѣ му сестромѣ благодѣтельно разгонявало. Нѣне мысли у свему сложесе са мыслима едне друге дѣвице, која е была съ нѣоме едни година, и тако ова јој постане права и искренија другарица и пријатељица. Ида отѣ Селницѣ (тако се она зваше) сматрала е Октавија као брата; ербо е Ермеліјну любила, као своју сестру. Но наскоро она у себи осѣти, да е нѣму много усердніе склонна, кое заиста дуго и немогаше таити, да јој е братѣ дражіи отѣ сестре. Идіне очи улію у сердце Октавијно едну искру живота; али кадѣ се нѣгово сердце къ нѣојзи склони, то онѣ одма почувствуе у себи стиме као нѣко свое обезчестіе. У невинномѣ и незлобномѣ сердцу Идиномѣ све дублѣ любовь укоренявашесе. Као цвѣтакѣ за сунцемѣ, тако и цѣло нѣно бытіе приклоняшесе благородному јуноши, и она наскоро своју тайну Ермеліјни вовѣри. Ова таки похійти предвозвѣстити своје брату нѣгову будущу среѣу. Онѣ савѣ пребледи, задрѣше, окрене свое лице, и жарке сузе проліе. Садѣ падне Ермеліјна своје брату око врата, и почне га Богомѣ заклинати, да ову тайну никоме на свѣту неоткрое. Любовь и отчаяніе лако ову изѣ младоѣ и нестретноѣ човека изчупаю; и са закрывенымѣ лицемѣ онѣ сестри приповѣди, да нѣму нѣговѣ жигѣ служи на велико безчестіе.

Октавиј е зацѣло мыслио, да не ова нѣгова приповѣдка сестру му тужно и жалостно упрепастити; али онѣ примѣти на нѣој чудна нѣка и сасвимѣ нѣговой мысли противна движенія; нѣна душа побудисе и сообщу му нѣколико рѣчій; она му садѣ овдѣ ясно докаже, да е истый жигѣ нѣгова слава и похвала, кои онѣ за срамоту и безчестіе сматра. „Мили,“ повыкне она, „зарѣ непотребуе сто путій више бодрости и сердца имати, да таковымѣ херойствомѣ нашегѣ отца избавимо, него ли смертномѣ мачу на полю бойномѣ супротѣ стаяти и пркосити?“ Она му садѣ јошѣ и то потверди, што онѣ самѣ чисто себи невѣроваше, да онѣ сирѣчь Іду обожава, и да сва среѣа и мирѣ нѣговоѣ живота у нѣној руцы стое, нити е инайма нѣ нужно, да јој се ова тайна открие. Пакѣ штавише и онѣ јој се на ове нѣне рѣчи твердо обеѣа, да исту тайну ни коме неѣе раскрыти. Любовь побѣди сва сумнителна обстоятелства.

Ида са простодушнымѣ, отворенымѣ и вѣрнымѣ своимѣ сердцемѣ открие станѣ свое личности и свога сердца своје родителю. Подрекло младоѣ Графа, нѣгово достоинство, нѣгова прослављена храбрость чиняхусе Барону отѣ Селницѣ, да су тако исто важна, као и изгубљена у Французској нѣгова добра, и онѣ радо къ бракосочетанію одобри.

Текѣ што е Октавиј среѣу своѣ супружества окусио, али непријателства съ новымѣ бѣсникомѣ започну. Непријатель бриближавашесе нѣовомѣ главномѣ конаку, и криво сраженіе учинисе. Октавиј покаже своју обичну храбрость, но тежко буде ранѣнѣ. Онѣ се донесе у варошѣ, и Ида захтѣсе, да га она сама послужуе. Едно јутро пробудисе онѣ отѣ сна, кои е цѣлу ноћ одвећ узнемиривао. Ида сѣдила е тужно поредѣ постелѣ нѣгове. Онѣ се силно бацакаше, она смотри жигѣ, уплашисе, ближе приступи, болѣ увиди и падне као изванѣ себе на постелю болестника. Октавиј отвори очи; често е онѣ ню у оваковомѣ станю видѣао, да се молила за нѣгово исцѣленіе. — Са слабимѣ осмѣиванѣмѣ узме е за руку, она отвори свое очи, и прикрое свое лице на нѣговымѣ персима.

Отъ дана несретногъ овогъ откровенія почне она сирота яко венути. Сасвимъ смутна и ѣтећи сѣдила е она по цѣо данъ на постельи свогъ супруга. Кадъ ю е онъ любовно запыткывао, како се находи, то му е она ецаюћи, плачући и муцаюћи отговарала. Ермелійна садъ се побрине за свога брата. Нѣнымъ молбама, нѣнымъ сузама немогаше већь дуже Іда противъ стати; ужасна ова тайна покрене іой уста. Ермелійна употреби све свое силе, да вѣрно приповѣди, како се догодило то приключеніе. „И самъ,“ повыкне она, „я самъ сама тому крыва. Я самъ захтѣвала отъ могъ брата, да онъ то на вѣки за тай! опрости ми! я ни самъ твое сердце сасвимъ познавала.“

Іда недаде іой, да свою приповѣдку доверши. У радостномъ усхищенію привуче Ермелію къ постельи свогъ супруга, пакъ: „Отличный и драгій Октавіе!“ ухвативши га за руке повыкне: „до овогъ тренућа ока я самъ те любила, као мужа, коегъ е мое сердце изабрало; а и отсадъ ѣу ти се дивити, као найизряднѣмъ и найвеликодушнѣмъ међу свимъ Смертнымъ!“ — „Ідо,“ отговори Октавій, „отъ данасъ ѣу и я совершенно сретанъ быти; ербо я више ништа немамъ отъ тебе таити. Само едно те іошть молимъ; да неизявишь моме родителю, шта самъ я поради нѣга претерпио.“

ШКОЛСКЕ ВѢСТИ.

Отъ стране Кр. Верховногъ Народны наши Школа Надзирательства дае се на знанъ, да е Учительска Штація у Банату у мѣсту Меленцы упризиѣна: — Свакій дакле отъ совершены Препарата или Учителя, кои ю получить жели, имасе найдуже до послѣднѣгъ Февруаріа тек. лѣта съ писменымъ прошеніемъ и нужнымъ доказательствама кодъ Кр. Верховногъ Народны наши Школа Надзирательства, или кодъ Плем. Общества Меленачкогъ пріавити.

Скоротеча излази у седмицы 2 путъ, Четверкомъ и Недельомъ; цена му е како за овдашнѣ тако и за странне Предчисленке за полъ године 4 фор. у сребру. Предчислитсе може на свакой ц. кр. Пошти, и у Пешти кодъ Издавателя, у Ведемской улицы (Wassei Gasse No. 349.)

Издаватель Димитрій Іовановићъ.

У ПЕШТИ СЛОВАМА БАЙМЕЛОВЫМЪ.

Дебрецинъ, 17. Јануаріа по Рим. Нашъ садъ шнїй вашаръ за рукодѣлну сваке струке робу не башъ добро испао; ербо е Купователя изъ Ерделя врло мало дошло было, може быти сбогъ тога, што су рѣвни путови, или може быти да су у нуждомъ новцу оскудѣвали. — Поташе е было мало донешено, а зечин лисичїи напротивъ кожа и преяного, кое су се врло евтино продавале, и свакій данъ евтиніе добыти се могло.

Гьуръ, 20. Јануаріа по Рим. Пріска вашаръ, кои се овдѣ ове седмице держао, испао е врло слабъ, ербо се само мало и Купователя и Продавателя на нѣмъ видити дало. Цѣна е была слѣдуюћа, као: 1 паръ волова за оранъ или у коли вученъ коштовао е на 250—350 фор., а дебелы (ураиѣны) или што по кажу за лой на 275—375 фр.; 1 крава на 80—110 фр.; 1 паръ воловски кожа на 40—55 фр., крави на 28—35 фр., коньски на 12—15 фр., телећин на 5—6 фр. и 15 кр., овчїи на 2—3 фор. и 30 кр.; — 1 цента сланине на 35—40 фор., сала на 50—55 фор.; — 1 цента коноцѣ на 25—50 фор.; — 1 цента дувана Леттїнскогъ на 50—60 фор., Сегадинскогъ на 20 фор. — Ране е было слабо. и плаћало се жито на 57—77., наполица 45—49., ражъ на 47—50., ечамъ на 32—35., зобъ на 32—34 и кукурузъ новїи на 38—48 грошића у шайну. — Рукодѣлна роба добро се продавала.

(Waterland).

Цѣна ране 23. Јануара п. р. на Пешт. шїацы, меровъ, грош. б. вр.

	наиб.	сред.	лош.
Жито	120	110	100
Наполица	80	75	70
Ражъ	70	—	—
Ечамъ	50	48	45
Зобъ	48	46	44
Кукурузъ	60	55	50
Проя	—	—	—
Жута каша	—	—	—

Станъ Дунава у Пешти.

26. Јануара п. р. 4' 9" 0'''

27. Јануара „ „ 5' 1" 0'''